

Женя Маркер

ГОД ОБЕЗЬЯНЫ,

или Клад купца Трофимова

Маркер Женя

Год обезьяны, или

Клад купца Трофимова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18152033

ISBN 9785447469689

Аннотация

Этот роман-детектив с элементами боевика, эротики, юмора написан в далеком 2006 году. В начале этого века широкой популярностью пользовался сайт ostrie.ru с девизом «Это не для тупых!». Общение на этом сайте и подтолкнуло к написанию книги, которая широкому кругу читателей стала доступна лишь теперь.

Содержание

Глава 1. Чем больше терпения, тем дольше приходится ждать	5
Глава 2. Отдыхать – не работать!	20
Глава 3. Встречи бывают разными	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Год обезьяны, или Клад купца Трофимова Маркер Женья

© Маркер Женья, 2016

© Маркер Женья, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Чем больше терпения, тем дольше приходится ждать

Олег корпел в зоопарке на своем привычном месте. Грот, между тапирами и выдрами, как будто специально был вырублен для него: есть крыша от дождя, прямой солнечный свет не попадает на мольберт, рядом – пруд с уточками и лебедями. Он так и говорил о своей работе: иду на дачу, отдохнуть, поблаженствовать, заодно капусту нарубить.

Рядом посетители увлеченно смотрят на зверей и птиц. Наслаждаются на все сто рублей, заплаченные за вход. Общаются между собой. Дефилируют вдоль вольеров, разглядывают живность и показывают себя. Бросают монетки в воду на память, чтобы снова вернуться...

– Папа, эти гуси специально ныряют, что бы денежки собирать в пруду? Тут же написано: «Купаться запрещено!»

– Нет.

– А чего они тогда здесь плавают?..

– Читать не умеют, – воскресный папа засеменил мимо...

Если честно, ходил Олег, прежде всего, не для того чтобы отдыхать. Высокого роста, с бородой белого цвета от ранней седины и черными от природы усами и бровями, он был неожиданно подвижный и веселый в силу своего динамичного характера. Ему нравилось рисовать шаржи и получалось

у него не плохо: как-никак член профессионально-творческого союза художников России. К тому же работа на свежем воздухе полезна для здоровья. А если за неё ещё и платят, то почему бы пенсионеру не порадоваться жизни таким образом?

Пока не было клиентов, у него появилось время покурить и немного собраться перед работой. Такое с ним редко случалось. Часто его отвлекал или подвигал на размышления какой-нибудь вопрос соседки справа. Или ее ребенка. Смотри, кто из них в этот день продавал сладкую вату.

– Маркер, а что лично для тебя шарж? – спросил в этот раз ребенок.

– Это графический образ, который люди могут нести в своем сердце всю жизнь.

– А подробнее?

– В рисунке художника отражается внешний облик человека и его характер, индивидуальные особенности и желаемые черты. Как по иконам узнают лики святых верующие, по любимым кадрам художественных фильмов зрители восторгаются актерами, и любят театралы артистов по «своим» ролям, так и по профессионально сделанным фотографиям, портретам, шаржам человека определяется его существо... Ты ещё лекций в институте не наслушалась?

– Нет.

– Тогда вникай. Наиболее символичным и лаконичным образом в этом ряду предстает шарж – сатирическое, юмори-

стическое изображение кого-либо или чего-либо. По крайней мере, именно так трактуют этот жанр изобразительного искусства большинство словарей.

– А наши посетители чаще всего называют твои картинки карикатурами, пародиями или гримасами.

– Это в лучшем случае. Так происходит потому, что маленьким детям, впервые столкнувшимся с шаржами, окружающие чаще всего объясняют увиденное подступнее...

– Помедленнее, я не успеваю конспектировать... – Иришка явно прикалывалась, пока Олега несло.

– Извини, тебе не надо было задавать дурацкие вопросы. Дай сконцентрироваться и войти в астрал...

– Входи. Только не промахнись.

Олег пригрозил ей пальцем.

Рядом послышался разговор посетителей. Немолодая мама, а может быть няня с малышом, подходили к соседней клетке.

– Здесь кто? – спросил ребенок.

– Носуха, – отвечает женщина, смотрит на табличку и читает малышу. – Это животное – хищник.

– А это кто?

– Это выдра. – Опять взгляд на табличку. – Тоже хищник.

– А это кто? – взгляд малыша упал на обросшего седой бородой и в черных очках Олега, который закатил глаза вверх и абстрагировался от действительности.

– Это художник-шаржист.

– А он хищник? – Оба смотрят на табличку-ценник.

– Судя по цене рисунка, хищник!!!

Приколисты. Но они – возможные клиенты! Главное теперь, что бы сразу не ушли, а успели рассмотреть шаржи: не так уж и дорого стоят эти рисунки, качество их отменное, скорость работы фантастическая, память о посещении зоопарка – эксклюзивная.

Кажется, повезло. Остановились и рассматривают.

– Будешь себя хорошо вести, художник тебе портрет нарисует...

– А если плохо, то шарж?

Ответ на вопрос Маркер не расслышал. Подкатила небольшая стайка школьников-экскурсантов. Последовала целая тирада возгласов, из числа тех, кто оказался ближе:

– Я представляю, как меня нарисуют...

– За такие деньжищи я сама тебя нарисую!

Глядя на них, стали подтягиваться и другие зеваки.

– Что такое шарж в образе животных?

– Твое лицо и хвост.

– Мама, папа! А этот дядя в прошлом году меня раком рисовал!!!

Да. Детки скажут – мудрецы замолчат. Здесь, наверное, стоит заметить, что Олег не просто рисует шаржи на посетителей зоопарка. Он их рисует в образах представителей животного мира. Вообще-то мысль о том, что люди похожи на животных, стара, как мир. В хозяевах собак узнают их пи-

томцев и наоборот. Лошадей, коров, ослов, хомяков называют человеческими именами. Гороскопы, и те все в зверином обличье. После десятка лет рисования портретов и шаржей на Арбате, в Сокольниках, ЦПКиО имени Горького, ВДНХ, в переходе под Манежной площадью, Олега как-то случайно занесло в зоопарк. Увидев здесь непаханое поле для работы, уже через год он нашел свою нишу и придумал свою фишку – зоошарж. Мало того, что он не рисовал, как все свои собратья по творческому цеху, карандашами и пастелью, а только маркерами (отсюда и прозвище – «Маркер»). Так теперь и шаржи у него стали особенные – с другими не спутаешь. На рекламе у него изображены Лариса Долина в виде лягушки, Филипп Киркоров – павлином, Елена Степаненко – уткой, Леонид Якубович – кроликом, Наоми Кэмпбелл – пантерой, Алла Пугачева – львицей, Эдди Мэрфи – мартишкой и т. п.

...Годы работы приучили ко многому, поэтому Маркер спокойно делал вид, что разгадывает кроссворд. Докуренную сигарету он забычковал и, поглядывая на зрителей, ждал «поклевки» – первого клиента, которого захотелось бы нарисовать. Первый шарж – самый важный. Проверка руки (трясутся пальцы или нет), настроения (есть желание общаться с людьми или сегодня лучше не связываться), появления куража от выполненной работы. Если все складывается нормально – день пройдет на «ура!».

Детвора и взрослые продолжали резвиться перед картин-

ками на рекламе:

– Я его узнал! Этот! Вот та! Тот! А это он! Она! Тот самый! – я всех узнал!

– Нет! Это жена Петросяна, Филипп Пугачев,...

– Смотри, лягушка с лицом! Вон муж Пугачевой, Страна дураков...

– А я бы хотела стать русалочкой...

– А я кошечкой...

– Такое и я нарисую!!!

Наконец, одна из мам не выдерживает и обращается к своему чаду:

– Давай тебе шарж нарисуем?

– Как?

– Узнаешь свое истинное лицо.

Маркер взглянул на девушку и пацана. Классные лица. Его типаж. Рисовать легко, без большого напряжения. Шанс, что не понравится клиентам, – один на миллион. Вот здесь то и пахнет удовольствием от работы и заработком. Совмещать полезное (куда в наше время без денег!) с приятным (Маркер кайфовал от работы) – это мечта любого.

Встав к парочке поближе и заглядывая с улыбкой в лицо, он произнес:

– Девушка! Для вас супер предложение.

– Как это?

– Вашего мальчика я рисую за любые деньги!

– За какие?

– А за любые. Мы с Вами о марках, фунтах, рублях и тугриках сейчас не будем говорить. Я просто рисую пацана. И Вы платите по результату работы так, как сочтете нужным. Идет? В зависимости от ваших финансовых возможностей, желания, настроения, наличия или отсутствия у Вас мужа!!! Только пожертвуйте парой минут, и удовольствие вам гарантировано!

Мальчик, услышав про халяву, уже сам шел позировать, не глядя на мать. Что и было нужно.

Работал Маркер легко и быстро. Со стороны казалось, что он просто обводит заранее нарисованный контур или снимает кальку с домашней заготовки. Вот в этом и был весь фокус: уверенная линия, поразительное сходство и неожиданные решения в каждом портрете делали карикатуру по-настоящему дружеским, не обидным, веселым шаржем. Наблюдать со стороны за его действиями было интересней, чем получить собственный шарж. Зрители заразительно смеялись, мальчик позировал, совсем не стесняясь. Его мама улыбалась, она уже не боялась расстаться с любой разумной суммой, так как было видно – всё нравилось.

– Мам, а я на кого на шарже похож?

– Догадайся сам.

– Ну, хоть намекни...

– На того, кем тебя бабушка называет на даче.

– На козла что ли?

– Нет. Ну что ты такое говоришь. Когда мы с папой дома,

и ты себя хорошо ведешь...

– Значит на котика...

Вот так, представитель кошачьего мира им мил. Стоит сделать его необычным котенком. Парень активный, не обидчивый. Ему должно тоже понравиться. Еще несколько штрихов и подпись: «Гроза зоопарка!». Озорной тигренок – полосатый котенок – готов.

– Мама, это же я – тигр!!! Повесим этот шарж у меня в комнате и будем всем показывать!

Маркер проложил калькой рисунок, чтоб не испачкать его еще не высохшим фломастером, свернул лист трубочкой и протянул мальчику рулон.

– Держи. Сосканируешь на загранпаспорт, и тебя в любом зоопарке мира будут ждать отдельная клеточка, улучшенное питание и повышенное внимание. – Взял предложенный девушкой гонорар, и, не глядя, положил деньги в карман. – Кто следующий?!

Следующих было много. Они сами организовали очередь, пока художник работал. И процесс пошел. Кенгуру, пантера, мышонок, русалочка, гризли, кролик... Через пару часов он остановился.

– Все. Я устал. Следующего рисую после перерыва на пятнадцать минут, – сказал Маркер. Он дорисовал молодую женщину в виде выдры, как ему за спиной подсказывал муж клиентки, сделал подпись «Гордость зоопарка», и показал ей портрет. Зрители заплодировали.

– Ой, какой симпатичный зверек!... На меня похоже! Я теперь не буду обижаться, если меня муж выдрой станет называть...

Парочка расплатилась, художник присел и блаженно затянулся сигаретой. Надо было собраться с силами и отдышаться. Все-таки напряжение от этих двух-трех минут, когда сливаешься с человеком, который стоит перед тобой, достаточно сильное. Передается волнение позирующего, идет напряженная работа над сходством с самим человеком, поиски его шипящего, мяукающего, рычащего, кукарекающего персонажа. Затекает рука и ноги – работа происходит стоя. Но теперь перерыв.

Маркер оглянулся. Народ рассосался. Только стройная девушка с копной золотистых волос и необычайно интересным кулоном на открытой груди рассматривала его рисунки. Она была в джинсах и блузке с открытым животом, как и большинство ее сверстниц. Смотрела куда-то вниз и держала двумя руками сумочку. «Какой интересный камень у неё в кулоне... И, похоже, что мы с ней где-то уже встречались», – подумал Маркер, но его отвлек хамоватый голос.

– Это чё?! – спрашивала, рассматривая рекламу художника, не по годам ярко накрашенная девица лет 13—14.

– Прочитай, очаровашка, подумай, – спокойно ответил Маркер.

– Если бы я думала, я бы не спрашивала... – девица упорхнула за угол.

Если спросить, кого из художников-шаржистов знает среднестатистический россиянин, то этот список в лучшем случае ограничится Борисом Ефимовым и Кукрыниксами, которые прославили этот жанр до, после и в годы Второй мировой войны карикатурами на Гитлера, Муссолини, и проч. Но они лишь изредка рисовали шаржи. К «генералам» от шаржей советских времен, знатоки отнесут авторов работ в «Огоньке», «Советском экране», «Известиях», «Правде», «Крокодиле». Которые, между прочим, и сейчас живы-здоровы, и, иногда, публикуют замечательные работы. Владимир Мочалов, Игорь Лососинов, Игорь Куксо – вот тот небольшой генералитет в войске карикатуристов-шаржистов, в котором Маркер занимал скромное, но достойное место в ранге примерно полковника. В молодые годы он мог составить конкуренцию самому Мочалову, попавшему в книгу рекордов Гиннеса за высокую скорость рисования шаржей. Но тот рисовал для славы, а Маркеру просто были нужны деньги, и он на спор выиграл ящик водки, перекрыв рекорд «генерала» на несколько секунд. А потом вместе с арбатскими друзьями-художниками и музыкантами принял участие в опустошении этих бутылок...

Через некоторое время подошла симпатичная парочка. Оба слегка взвинчены, похоже, что с помощью пива им не терпелось поразвлечься.

– Маэстро! Нарисуй шарж на мою Анечку!!! Мы специально приехали в зоопарк, чтобы к тебе попасть. В прошлом

году я здесь рисовался, так друзья до сих пор, когда в гости приходят, ржут! Смотрят на меня – мангуста-Серегу – и хочут. Твой шарж в рамочке на самом видном месте висит. И ей вот захотелось.

– Прощу! – Маркер уже был готов к работе и показал девушке, где и как надо встать. Зеваки стали подтягиваться.

Началась работа. Парочка веселилась, полненькая девушка строила дружку глазки, позировала для вида, а сама жадно курила и потягивала пиво.

Чтобы ее отвлечь, надо было бы поговорить с ней и заставить смотреть в сторону художника.

– Вам, девушка, какую губную помаду нарисовать? Итальянскую или французскую?

– Все равно.

– Я вам вкусную нарисую.

– Точно!!! Покажешь мне шарж, я в обморок упаду. Он (девушка кивает на стоящего рядом мужика) сделает искусственное дыхание рот в рот и поужинает на халяву. А мне вечером готовить не надо будет, – она засмеялась, показав ровный ряд верхних зубов.

– Девушка, Вы сами себе веснушки нарисовали или мама с папой подарили?

– Это я под дуршлагом на даче загорала!...

У Олега на бумаге получалась весёлая корова.

Молодец! Юморная девица. Ей все должно понравиться, лишь бы было весело. Еще несколько штрихов.

– А Вы животных любите?

– Еще бы! Я сама из-под Ярославля. И собираю с детства игрушки, статуэтки всякие в виде... коров. Коров я очень люблю!!!

Сергей-мангуст стоит за спиной Маркера и дико хохочет.

– Вот удружил! Как догадался-то? Мы ее телкой с друзьями зовем!!! Грудь у неё стоящая – шестой номер!

Народ прикалывается:

– А это у вас настоящая грудь? Или синтепон?

– Девушка, вы очень красивы, а красивых девушек надо размножать!

– Хотел бы я, чтобы на мою защиту стали такой грудью!

– Вы так красивы, что к вам страшно подойти!

– Вы сегодня прекрасно выглядите! Вчера, наверное, бухали?

– Девушка! У вас такие ножки!

Аня не остается в накладе:

– А ты мой свои ноги каждый день и у тебя такие же будут!

Маркер быстро подписал шарж: «Ярославская телочка «Анечка» – «Мисс зоопарк!» Серега согнулся в хохоте, и вместе с ним все зрители. Аня увидела шарж, и даже присела от неподдельной радости.

– Клёво! Моя коллекция пополнилась! Я в ней – самый классный экспонат!!!

За спиной раздались аплодисменты. Чаще всего именно так наблюдатели за работой шаржиста выражали свой вос-

торг его работой. Шарж и впрямь удался.

Щедро расплатившись, веселая парочка углубилась в зоопарк – искать живых коров и мангустов. Народ стал разбредаться, и только девушка с копной золотистых волос задержалась у рекламного стенда чуть дольше, чем остальные. Она рассматривала его рекламный щит и тут взглянула на Маркера.

Этот мимолетный взгляд из-под челки поразил Олега. На какое-то время он потерял способность воспринимать окружающую действительность. Да! Именно глаза показались ему необыкновенными в то первое мгновение, когда он увидел ее перед картинками на рекламном щите.

– Продайте мне ваш рисунок с обезьянкой, – обратилась девушка.

– Для вас – что угодно! Хотите, я Вас нарисую!

– Нет-нет. Мне понравилась мартышка, и к тому же она мне нужна. А к шаржам на себя я отношусь довольно скептически. Но я Вам могу предложить поработать, если вы придете вот по этому адресу. – Она протянула ему визитку.

– Ладно. Возьмите так. Я ее Вам дарю. – Маркер протянул картинку и посмотрел на девушку как загипнотизированный. Было такое чувство, как будто он молодец, отражаясь в ее глазах, и от этого хотелось действовать: рисовать, рисовать, рисовать!

– Спасибо, – сказала девушка, и пошла в сторону стоящего неподалеку фотографа.

– Дяденька, а меня нарисуете? – к Маркеру обращался очередной клиент с державшей его за руку бабушкой.

– Конечно. Становись! – и Маркер положил визитку в карман и стал работать.

Когда он закончил шарж и оглянулся, рыжеволосой девушки уже не было. Оставалась только чувство какой-то недосказанности, несделанности, и настроение мгновенно упало. Кураж пропал.

Олег закурил и подошел к фотографу.

– Привет, Серега! У тебя случайно не фотографировалась сейчас одна очаровашка?

– Какая из ста, Маркер? – засмеялся Сергей, который не мог пропустить ни одной смазливой мордашки.

– Покажи, тех, что были последними, – и Маркер с Серёгой стали просматривать кадры на экране цифрового аппарата. – Вот она! Сделай мне отпечаток!

– Нет проблем! Какой формат? – кивнул Серега и, не дожидаясь ответа, пошел к принтеру. Через минуту он протянул фотографию девушки с золотой копной волос на голове. – С тебя шарж и на мою подружку!

– Заметано! – Олег бесплатно иногда рисовал Серегиных подружек, когда тот в свои выходные выгуливал их в зоопарке. Поэтому о деньгах они не говорили. – Баш на баш. Все. Сегодня работа дальше не пойдет.

Олег собрал вещи и двинулся домой. По дороге он рассмотрел визитку:

«Центр разрешения кризисных ситуаций «Мудрая обезьяна».

Ольга Трофимова имеет честь пригласить Вас на презентацию нового проекта, которая состоится в...».

«К черту эту презентацию! Сейчас – за работу...» – он сунул визитку в карман. Глаза девушки неотступно преследовали его, и рисовать теперь шаржи (!) он бы не смог при всем желании. Он просто бежал домой! Вот чего ему не хватало в той картине, которую уже столько времени не мог закончить. Глаза! Именно эти глаза! Теперь-то все получится. Снимок девушки в нагрудном кармане грел ему сердце.

Он пришел домой и сразу взялся за кисти. Прикуривая сигарету за сигаретой, он все больше и больше добивался того результата, которого искал уже не один десяток лет. Мазок, еще мазок. Нет. Не так! Еще...

Только к утру стало выходить именно то, чего он ждал...

Он сел напротив златокудрой красавицы с изумительным кулоном на груди, прищурился. На него смотрели огромные глаза и улыбались чему-то своему, потаенному. Маркер сфотографировал портрет на смартфон и расслабленно закурил сигарету.

Получилось...

Глава 2. Отдыхать – не работать!

Отдыхать – не работать. Банальная истина, когда ее воспринимают как показатель того, что лучше отдыхать, чем работать. А если работа – твой отдых? Для уличного художника-шаржиста все именно так и бывает. Но лишь до тех пор, пока не наступит пресыщение. В какой-то момент не хочется брать в руки маркер, все люди становятся похожими друг на друга, клиентов избегаешь и думаешь о чем угодно, только не о шаржах. Или наоборот. Они начинают сниться. Каждый встречный воспринимается как потенциальная натура. Люди просят на бумагу. А пальцы не слушают сердце. И тогда выход один – уезжать на гастроли по городкам черноморского побережья.

Олег в последние годы так поступал не раз. Когда не было сил смотреть на людей, глаз замыливался, работать не хотелось, он брал билет на поезд и радовал себя каникулами. Впервые такую поездку он предпринял шесть лет назад, и постепенно южные гастроли заменили ему отпуск.

Скучное времяпрепровождение в купе на верхней полке он заменял походом в вагон-ресторан. Неизменная солянка, которой славилась новороссийская бригада, и графинчик водки создавали приятное настроение. Начинали улыбаться проводницы и завязывались новые знакомства. Суточная поездка пролетала, как один блаженный миг с анекдотами,

мечтами о море, разговорами со случайными попутчиками в тамбуре до глубокой ночи и т. д. и т. п. Он чувствовал себя маленькой рыбкой счастья в большом океане удовольствий.

Эта поездка начиналась так же, как предыдущие. С той лишь разницей, что не было в купе малышни, которая часто раздражала своим вольным поведением. Период, кода мальчишки и девочки вызывают умиление и радость, у Олега проскочил. Своих детей не было, а с чужими он общался, рисуя шаржи.

В своем купе на нижних полках Олег увидел двух дам неопределенного возраста, которых тетками или бабами язык назвать не поворачивался. Отличие купе от плацкарты часто проявляется именно в этом: женщины, которые требуют внимания и любят себя, не садятся в многолюдный коридор с общими полками, матрасами, курицей в целлофане, ароматом пива и водки, смешанным со стойким потом и перегаром соседей. Они предпочитают максимум удобств и выбирают уютную атмосферу СВ или, в крайнем случае купе фирменного поезда. Пусть дороже, но комфортнее.

Вот и эти попутчицы сидели спокойно у окна, когда к ним вошел Маркер и поздоровался.

– Доброе утро и вам, милый человек, – любезно произнесла та, что сидела справа. Вторая любезно улыбнулась, обнажив великолепный ряд зубов голливудской чеканки и спокойно кивнула головой. – Нам по пути? Так располагайтесь, а мы с Клабочкой вас оставим на пару минут.

Они чинно вышли из купе, предоставив возможность сложить вещи и переодеться попутчику. Скинув джинсы и натянув вольготные шорты, бросив на полку рюкзак и сумку, Маркер приоткрыл дверь, что бы выйти в тамбур покурить, а затем отправиться в вагон-ресторан. Однако дамы уже стояли в проеме и как бы намекали: не спешите юноша, нам хочется пообщаться.

А куда спешить? Дорога дальняя, на платформе он уже накурился и очередная сигарета еще не прикурена. Пропустив соседок к окошку, он устроился рядом. На вид женщинам было от пятидесяти до восьмидесяти лет. Определить точнее при вагонном освещении было сложно. Но ухоженные руки, с правильным маникюром и короткие прически, сделанные мастерски на фоне элегантных брючных костюмов, выдавали не обычных попутчиц, которые двигались на южные курорты. А скорее путешественниц или бизнес—леди, отдыхающих от работы. Подкрашенная седина, неброский макияж, огромные перстни на пальцах у одной, стильные очки и изумительной красоты кулон с золотой цепочкой на груди у другой...

– Как вас зовут, милый человек? – его наблюдения прервала та, что была с приятным голосом и оттенком чего—то королевского в манерах.

– Ненавязчиво. По кличке или по имени.

– Ваша кличка?

– Маркер.

– А имя?

– Олег, – ему захотелось добавить «Ваше величество» или «миледи». И, совсем не робея, он не удержался. А чего терять? Пошутить в поезде, как и в жизни, можно вполне, тем более, что через несколько часов судьба опять всех разбрасывает. – Миледи...

Дама улыбнулась.

– Но с «миледи» вы, молодой человек, погорячились. А то, что я – княжеской крови, внучка белого генерала, так это точно. Зовите меня Марина Эрнстовна. А это моя близкая подруга и помощница Клавдия Васильевна. – Соседка справа так же молча одарила Маркера ослепительной улыбкой. – Мы возвращаемся после лечения из Карловых Вар.

– Очень приятно. – Олег опять не удержал свой порыв и привстал, что бы поцеловать дамам руки. Но верхние полки купе не предполагали галантного общения пассажиров, поэтому звон удара его головы совпал с отправлением железнодорожного состава. А ему не оставалось ничего, как рассмеяться над своей неловкостью.

Эта ситуация вызвала смех и у попутчиц.

– Ничего, Маркер! – похлопала его по плечу Марина Эрнстовна.

– Вы не ушиблись, Олег? Надеюсь, что вам не больно? Садитесь поближе и можете без церемоний. Мы давно ко всему в этой стране привыкли. А когда надоедает, то просто уезжаем за границу. А куда вы путь держите? – Клавдия Васи-

льевна вступила в разговор. — Хотя можете и не говорить. Я попробую угадать. Вы едете отдыхать на юг, наработавшись за год. По специальности вы не служащий, а скорее предприниматель с небольшим бизнесом. Дома оставили жену и детей, которым милее дача в Подмосковье. А сами решили удариться во все тяжкие. Я права?

— Это звон бутылок из моего рюкзака вам подсказал такие вопросы? Спешу разочаровать. Пиво всегда беру на утро, так как не знаю, каким будет вечер. Я по жизни простой уличный художник.

— Тот, кто называет себя свободным?

— Вот—вот. Абсолютно и от всего свободным в России быть невозможно. Но понятие «свободный художник» для меня, как нельзя, кстати.

— Пейзажи? Портреты? Натюрморты? Что вы пишете, милый человек?

— Не угадали. Шаржи и карикатуры. Иногда графику. Книжки оформляю.

— Клава, вот видишь, читая детективы, у тебя появляется тяга к дедукции, а практическое её применение из одних промахов.

— Подождите, — всполошилась Клавдия Васильевна. — Как же вы зарабатываете себе на жизнь? Насколько я знаю издательское дело, то выпуская в свет даже одну книжку в два месяца, вы не в состоянии уехать от Москвы даже дальше Мытищ.

– А Арбат? Я из той когорты, что трудится на улице и зарабатывает себе на хлеб насущный ежедневным трудом. Плюс корпоративные вечеринки с гонорарами, публикации в журналах, отдельные заказы. В общем, мне хватает.

– И даже остается....

– Примерно, как и у нас, – вставила Марина Эрнстовна. – С той лишь разницей, что мы живем на остатки роскоши моего деда. Да и то в преклонном возрасте нам и этого много.

– Это у вас—то преклонный возраст? – Маркер выказал искреннее удивление. – Да вы юны и цветущи, как персики в саду Шахерезады!

– Скорее как абрикосы, из которых уже получился урюк. Милый человек, мы уже не боимся называть свой возраст. А иногда даже гордимся тем, что в сумме нам 160 лет...

– Не может быть!

– Да—да, мне девятый десяток, а Клаве – за семьдесят. Причем, так мы можем сказать только сегодня. Вчера был мой день рождения, а завтра – у неё. 81 год плюс 79 лет равно 160. Вот так то.

– Милые дамы, – Маркер привстал, но в этот раз лишь символически, – я не могу удержаться, и приглашаю вас в вагон—ресторан, что бы отметить такое достойное событие!

– А мы принимаем ваше предложение. Правда, Клава?

– С таким-то кавалером...

Через несколько минут новая компания сидела в соседнем вагоне, который и был рестораном на колесах. Все весело от-

мечали знакомство. Солянка под водочку, рекомендованная Маркером, коньяк с лимоном и десерт прошли на ура. Соседи по купе оказались преотличными собеседницами. Рассказывали анекдоты, смеялись от души. Пили. Фотографировали друг друга. Возвращаться никому не хотелось. И даже симпатичная девушка, мечущая недвусмысленные взгляды на Маркера из—за соседнего стола не могла изменить ситуацию.

После очередного тоста за прекрасных дам, у которых все должно быть великолепным, Маркер обратил внимание на исключительно интересную огранку камня, что висел на груди Клавдии Васильевны.

– Это единственная память, оставшаяся о моей семье.

– Мне интересно. Расскажите.

– Но история давняя и воспоминания могут затянуться надолго.

– Так давайте закурим, а вы расскажете. Впереди еще не один час пути. Я же вижу сигареты в вашей приоткрытой сумочке, значит, вы курите. Да и мне хочется придавить в себе коня каплей никотина. Не откажите Клавдия Васильевна, – и Маркер приблизил к ней зажигалку, – разрешите?

– А я не курю, как Клава. Даже в юности не пробовала. Капля никотина пролетела мимо, не убив во мне выучное животное. Мне – мороженого, пожалуйста. – Марина Эрнстовна обратилась к официанту. – С орешками. Люблю я их. И могу себе позволить. Только ничем не поливайте! Ника-

ких сиропов и варений...

Клавдия Васильевна прикурила, глубоко затаилась и неторопливо начала свой рассказ.

— Как вы уже, наверное, сосчитали, я родилась в 1930-ые годы прошлого столетия. И первые детские воспоминания у меня связаны с голодом, непонятной суетой вокруг и парным молоком. Жили бедно, как и все, на хлеб зарабатывали своими руками. Да и то, что добывалось потом, отдавали в образующиеся колхозы. Надо сказать, что на этом фоне наша семья отличалась от соседей. Мать моя и отец были из купеческой семьи, работать могли и умели. А наличие своей коровы делало их совсем зажиточными крестьянами. Именно таких людей, как я понимаю, тогда и называли кулаками. Поэтому под коллективизацию они попали скорее, чем хотелось бы. Вы изучали советскую историю и помните, конечно, о массовых переселениях и ГУЛаге. Так вот, чтобы избежать гибели от репрессий в той деревне, куда мои родители приехали после революции из Питера, отец решил переехать на Кавказ. Там теплее, палку в землю воткнешь, она прорастает и плодоносит. Одним словом выжить легче. Мама эту затею поддерживала. Хотя, скорее это были наивные мечты юности моих родителей. Но вмешался случай. Когда отец однажды уехал в больницу, которая находилась в соседней деревне, сосед предупредил мать о готовящихся к вечеру арестах. Та быстро собрала кое—какие пожитки, и отправилась в далекий путь сама. Как и было обговорено с отцом.

А он должен был её догнать в Ростове.

– Вы хотите сказать, что остались с отцом, а мать уехала одна?

– Нет. С отцом остался мой старший пятилетний брат. А мать в то время была беременна мной. На одной из станций мама натолкнулась на Марининых родителей. Они тоже пробирались к сытому, как им казалось, и теплему югу, за границу.

– Здесь я должна внести поправку, – вступила в разговор Марина Эрнстовна. – Мой дед, тот самый белый генерал, когда-то ухаживал за симпатичной купеческой дочкой с Фонтанки. Как потом мы узнали, за Клавиной бабушкой. В каждой семье есть свои тайны, которые, как банальные скелеты в шкафу, только ждут своего часа. Но та любовь умерла... Мой дед встретил новую женщину, создал семью. В гражданскую войну он погиб, а мои папа с мамой жили без детей. Бежавшую из деревни беременную маму Клавы все наше семейство приняло, как свою, родную... Скоро на свет появилась Клава, а через пару лет родилась и я. Чем не подружки с младенчества?

– В общем, мы считали себя сестрами... Через некоторое время моя мать скончалась от тифа. – У Клавдии Васильевны повлажнели глаза от грустных воспоминаний. – К счастью меня Маринины родители приняли меня в свою семью. О тяготах путешествий того времени мы естественно ничего не помним, а родители не рассказывали ничего. Как попали

за кордон, кто помогал нам и как? Никому не известно теперь... Выплывают из памяти крыши вагонов, чайники с кипятком, люди в платках, сухие необыкновенно вкусные корки хлеба, размоченные в воде... И море, море, нескончаемое море... Но это, скорее, впечатления фильмов, чем воспоминания. Все мы чудом вышли в Турцию через горные перевалы. Потом были скитания по Африке и Европе. И только в Канаде мы нашли своё пристанище. Получили образование, работали. Вышли замуж.

– А дети?

– Господь не дал. Врачи говорили, что из-за голодного и болезненного детства.

– А вот родителей и мужей своих мы пережили, – теперь покатила слеза и у подруги. – Всю жизнь прожили в русском квартале. Хоть и говорим на трех языках, русский считаем своим основным. За жизнь заработали кое—какие деньги. И недавно приехали в Россию. Захотелось на историческую родину. К своему погосту, так сказать.

– Значит, вы путешествуете на старости лет. Но так и не сказали мне о кулоне с камнем?

– Этот камень оставила мне перед смертью мать. Как память об отце. Именно он когда—то подарил две сережки с такими камнями маме. Со временем к одной из них я сделала вот такую оправу и ношу на груди не только как украшение, но и как талисман на счастье. А почему он вас так заинтересовал? Что в нем особенного, Олег? – обе дамы несколь-

ко напряглись и посмотрели на Маркера заинтересованно.

— В общем-то, ничего. Красивая и необычная форма. Просто взгляд художника. Иногда вытаскивается из памяти что-то, что остается с тобой надолго. Как ваши детские воспоминания с корками размоченного хлеба. Вот и я недавно видел девушку, у которой был кулон с камнем, напоминающим ваш. Только на серебряной цепочке. Я смотрел тогда на камень в оправе, и представлял себе великолепные серьги. А сегодня вижу ваш камень и сравниваю с тем. Только цепи разнятся. Мне кажется, что они идеально подошли бы друг к другу. Такой необычной огранки парные камни должны были бы представлять собой серьги, а не два кулона...

Дамы переглянулись. За столом неожиданно нависла тишина. И даже стук колес за окном и звон посуды за соседними столами пролетали мимо ушей, как будто бы в вагоне-ресторане они оставались совсем одни.

Первая спохватилась Марина Эрнстовна.

— Вы не могли бы рассчитаться за обед, а мы пока попудрим носик одни в купе, Олег? Нам с Клавдией надо поговорить, так сказать тет—а—тет. Обед прошел замечательно. Мы вам очень признательны за компанию. — Она достала портмоне, отсчитала деньги и положила на столик. Маркер извлек свои сбережения, попросил счет и остался ждать официанта, чтобы расплатиться.

Когда он вернулся в свой вагон и открыл дверь купе, то увидел посерьезневших спутниц. Как будто и не существо-

вало былого веселья.

— Что случилось? Я чем-то провинился или сделал что-то не так? Дико извиняюсь за любой свой проступок. Кстати, вот сдача. — Он протянул руку в кармашек шорт. — Вы слишком много оставили.

— Ой, возьмите себе, милый человек. Если не отдали все в буфете на чаевые. Никто ни на кого не обижается.

— Тогда в чем дело, откуда такая серьезность. Или это напускное? — Олег сел на свободное место.

Клавдия Васильевна положила ему руку на колено и внимательно посмотрела в глаза. Даже сквозь очки было видно, что они еще не потускнели и искрятся, как у молодой проныцательной женщины. Вот же глаза! И кого они ему напоминают?...

— Расскажите нам подробнее о той девушке с кулоном. Кто она? Откуда? Как вы познакомились? Когда?

— Обычная история. Я встретил ее на своем рабочем месте за этюдником. Совсем недавно. Мне очень понравились ее глаза, и я не мог удержаться, чтобы их не нарисовать. Этих глаз не доставало портрету, над которым я работал долгие годы.

— А откуда она родом, не помните? Как ее зовут? Её фамилия?

— Не знаю. На ее визитке что-то было написано... Какая-то достаточно популярная русская фамилия. Не помню. Думаю, что она не столичная девушка. Но не уверен.

– А что потом? – Обе женщины подались вперед и стали сыпать вопросами. – Вы встречались с ней еще? Знаете, где она сейчас? Кто ее родители?

– Послушайте, любезные дамы. Это что? Допрос? Попытка влезть в мои интимные дела? – Маркер стал закипать. Нервы частенько у него сдавали по пустякам. Вот и сейчас, похоже, он готовился лезть на рожон. – Когда мы начинали знакомиться, то ваши дедуктивные методы я воспринимал, как должное. А сейчас в чем дело?

– Ответьте нам только на один вопрос. Вы знаете, где она сейчас?

Маркер опустил глаза и тихо вымолвил:

– Нет. Но женщину с такими глазами я искал всю жизнь.

Клавдия Васильевна сняла очки и внимательно посмотрела ему в лицо:

– Очень похоже на то, что мы с Вами ищем одного и того же человека...

– Не понял...

– Я вам не все рассказала о своей семье... Помните, у меня оставались отец и брат, которые нас с матерью так и не догнали. Или не стали догонять. Или не смогли. Лихое было время, и не мне о том судить, почему они нас не нашли. В память о семье осталась одна лишь сережка, которая стала кулоном. – Она крепко прижала его к груди. – И вот этот листочек.

Женщина аккуратно достала маленький футляр, похожий

на визитницу. Медленно, как великое сокровище, открыла его. Внутри лежал потемневший от времени обрывок того, что когда-то называлось метрикой, а в последние десятилетия свидетельством о рождении.

Маркер с трудом смог прочитать расплывшуюся запись: «гражданин Трофимов Николай Васильевич, родился 24 августа 1928 года. Место рождения: РСФСР, ...»

А дальше, наискосок – обрыв. Полностью отсутствует тот лист, где указаны родители, национальность, точное место регистрации и дата выдачи документа. И кусочек первой страницы. Самый нижний, с местом рождения. На взгляд: оторвано две трети документа.

– Вам понятно? – спросила она.

– Что?

– Это метрики моего брата. Вернее их обрывок, в который был завернут камень. Как вы понимаете, я не могу найти даже свою родную деревню. Узнать, где похоронен отец, как сложилась судьба его и брата. Есть ли у меня близкие и родные мне люди. Или я закончу свой век ничего не узнав об отце?

– Я то здесь с какого боку?

– Вы видели девушку, которая может быть знает о судьбе моего отца и брата. А может быть она – моя внучатая племянница. Мать говорила Марининым родителям, а те впоследствии – мне, что одна ссережка остались в нашем доме, а вторую мама взяла себе. Эти ссережки не простые. Сложить

камни в оправу можно было и тогда, и сегодня. — Она щелкнула чем-то на кулоне, и камень выпал прямо ей в ладошку. — Сделать серьги можно только имея одинаковые камни. Но если найти второй камень и сложить их вместе, можно убедиться, что они одно целое — кулон небывалой красоты. В те времена в российской глубинке такие вещи все равно носить было нельзя на людях. Это штучная вещь и очень (поверьте мне, очень) дорогая. Родители специально разделили драгоценность на две части, зная, что их разлука неминуема... Свой камень я ношу на груди не снимая всю жизнь. Значит, кто-то носит его половинку... Кто? Вывод вы можете сделать сами...

— Так вы носите фамилию Трофимова? — спросил через некоторое время Олег.

— Да. Все эти годы.

Дамы, растревоженные воспоминаниями, примолкли. Клавдия Васильевна складывала кулон, Марина Эрнстовна смотрела в окно и вытирала платком глаза. Маркер тоже задумался.

Все верно. Возможно, что он видел их юную родственницу. Примерная география рождения и жительства одинакова. Даже возраст. Такая девушка вполне могла быть внучатой племянницей Клавдии Васильевны. А главное, это два одинаковых кулона, которые когда—то были серьгами. Парой. Единой и неповторимой парой. Разъединившей людей во времени, но существующей реально. Именно эти кулоны

и должны их объединить. В итоге появится один большой кулон. Да... Вот его величество случай. Обычная встреча пассажиров в поезде. И не обычная в то же время.

– Подъезжаем к Ростову—на—Дону! – в дверь купе заглянула проводница. – Пассажиры готовимся к выходу!

– Кажется, мы приехали. Вот что, милый человек, где вы обитаете свободный художник? Олежек, у вас есть какие—то координаты, что бы мы могли вас найти?

Маркер протянул визитку.

– Мы еще должны здесь на юге навестить кое—кого из знакомых. Найти могилу матери. Навести справки. Мы составили план поиска, и пока не готовы сломать его из—за нашей случайной дорожной встречи. А вы найдите ту девушку. И не только для себя, но теперь и для нас. Вот. Возьмите наш номер мобильного. Звоните, как только, что-нибудь узнаете... – Марина Эрнстовна говорила и одновременно собирала свои вещи.

– И вы позвоните мне обязательно в любое время! – Олег записал номер телефона в смартфон.

– Мы будем ждать ваш звонок! Умоляем вас!!! Вы та ниточка, за которую можно вытянуть нужную нам информацию. – Клавдия Васильевна поцеловала его в щеку, и пошла на выход.

– Давайте я вам помогу с вещами! – Маркер кинулся за дамами, и, подхватив невесомые сумки, помог спуститься на платформу. Толпа встречающих и провожающих разъ-

единила их, и лишь нежный шлейф дорогих духов, покинувших его дам, пьянил на привокзальной площади.

Глава 3. Встречи бывают разными

После Ростова в купе к Олегу вошла очаровательная попутчица. Она приоткрыла дверь и с порога заявила:

– Извините, вы верите в любовь с первого взгляда или мне зайти попозже?

– Минуточку, я одену очки... Заходите!

Маркер растаял от дешевого прикола и забыл все на свете. Психологи считают, что большинство мужчин мечтает о подобном раскладе, и всегда надеются – вот сейчас войдет Она и начнется незабываемый праздник: знакомство, поцелуи, страстная ночь и... У Маркера все так примерно и начиналось. После выпитого спиртного в ресторане хотелось подвигов. А тут замечательный объект женского пола, от которого крышу снесет не только у юноши, но и у седого старика. Что—то в ней было неувлимо знакомое, но Олег не заморачивался на воспоминаниях. Мало ли кого из очаровашек он встречал или рисовал в своей жизни. В ресторане он пил за троих и поэтому был все еще в легкой эйфории.

– Тебя как зовут очаровашка?

– Меня? Как маму.

– А маму как?

– Как меня.

– Ну, а как вас обеих зовут?

– Одинаково...

Девушка улыбнулась, от неё повеяло приятным ароматом, который кружил голову. Она мгновенно распаковала свою сетку с запасенными в дорогу снедью и вином. Небрежно скинула легкий пиджачок и оголила красивые плечики. Олег лихо открыл бутылку, налил в чайные стаканы алый напиток, и они выпили за знакомство. Девушка представилась Кристиной, предложила тост за чудесный отдых на юге. Она смотрела на Маркера широко открытыми глазами, и вдруг её взгляд упал – на часы. Несколько раз её взгляд переносился с Олега на часы и обратно.

– Почему ты смотришь так часто то на меня, то на часы?

– Понимаешь, это непростые часы, они могут мне многое сказать.

– Что, например?

– Ну, например что на тебе сейчас надето.

– Интересно... Ну, и что же на мне одето из нижнего белья?

– Точно не знаю, а часы показывают будто бы ты без трусов.

– Не правильно. Они—то как раз на мне – заулыбался Маркер.

Она внимательно и с умным лицом посмотрела на часы и произнесла:

– Ну ладно, может, спешат немного!!!

– А вот ты точно сегодня без трусиков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.